

Михаил Сопин

ВЕРТИКАЛЬ

С т и х и

Вологда
2006

В ЛЕДЯНОМ ЖЕЛОБКЕ ВИСОКОСНОГО ГОДА

Стихотворение «Вертикаль» помечено високосным 1984 годом - поэт уже переехал из Перми в Вологду, обрел некоторую уверенность. Готовится к печати первый сборник «Судьбы моей поле». «Вертикаль» - своего рода программное произведение.

«Смешновато глядеть на самого себя, - пишет он в то время домой в Пермь, где еще оставалась семья. - Уже за пятьдесят, виски седые... а я все хожу в начинающих» .

Отсюда:

*Я двывь восхожу
По холодному телу клинка.
И времени - нуль
Для того, чтобы цели бояться.*

Вертикаль судьбы к тому времени уже состоялась. Но поэтически она еще не освоена.

Любопытна написанная в то время рецензия поэта Александра Романова на сборник стихов Михаила, ориентирующая на вступление в Союз писателей РСФСР: «Вариации... ослабляют рукопись. Возникает опасное впечатление, что М. Сопин творчески не растет, что он топчется на месте. Надо... раздвигать самого себя, подставляя лицо не только стуже воспоминаний, но и ветру наших дней. Они, нынешние ветры, тоже не дают дремать...»

А когда он действительно стал переходить на новый круг тем и образов, это было не принято. Не на то его нацеливали! Собратьям по перу захотелось вернуть Сопина к пройденному - туда, где ощущалась переключка с творчеством Николая Рубцова. Это уже освоено, понятно, любимо... как в цивилизованном парке, где по заасфальтированным дорожкам можно ходить в парадной обуви.

Хорошо, что теперь поэту уже не нужно никуда вступать и расти в чьих-то глазах.

Собранные в сборнике «Вертикаль» стихи - как раз перепутье. Еще любимо старое-песенное, но в стихии «любви, навеки неоплатной» все жестче проступают «твердые уступчики» - ступеньки к «Обугленному веком», «Молитвам времени разлома».

Не зависимо от того, кто и как о нем отзовется, поэт работает над словом ежедневно, как всегда, как привык еще в лагере - без выходных и отпусков. Литературных огрехов, конечно, еще достаточно, но как бы мы обеднели, если бы не знали об этом совсем...

Кто раньше созрел в Михаиле Сопине - поэт или гражданин? Думаю, процесс шел параллельно. Неясные блуждающие образы, становясь стихами, помогали гражданскому становлению, а обретая позиции, поэт выражался более зрело и точно. И вот уже

перед нашими глазами поражающий образ «степной кобылицы» (по Блоку) с выбитыми глазами (а это уже по Сопину), «Россия-тройка», пошедшая под трибунал.

Поэт еще много раз срываться с этого «холодного тела клинка» в несколько расплывчатое литературное море, которое еще предстоит «выпарить»... после чего будет больно ходить по кристаллам соли и нечем утолить жажду. Солончак непригоден как среда постоянного обитания, но в малых дозах необходим всему живому.

В устных беседах Михаил, не уставая, будет повторять слово «осмыслить», призывать «жить - думая, и думая - жить». В стихах - освободать себя от эмоций, даже высмеивать их. Это хорошо или плохо? Без эмоций поэт невозможен. Не потому ли многим раннее творчество Сопина нравится больше?..

Конечно, он противоречил сам себе. Эмоции были всегда, в ранних стихах и в поздних, и в жизни - тоже. Только они другие.

Поэт жил и писал не для того, чтобы кому-то нравиться. С высоты вертикали «холодного тела клинка» Михаил хотел избыть груз пережитого. А вслед ему будет смотреть «мальчик в бушлате, напряженный, как совесть войны».

Татьяна Сопина.

ВЕРТИКАЛЬ

Беззвучно.
 Двенадцать пробило.
 Вокруг ни души.
 Измятое эхо
 Впитали потемки.
 Ни звука.
 Лишь шорох от карликов -
 Грустного стада машин -
 На грустную землю
 Льет желтые
 Фары разлуки
 Пошло за полночь.
 Пора мне,
 В дорогу пора.
 Не надо надежд,
 Что случайно в судьбу затекали.
 На голову -
 Шапку
 Из звуков невидимых трав.
 Мне нужно успеть до зари -
 По судьбе вертикали.

Комар пролетит,
 И достаточно мне ветерка -
 Я чувствую, верю...
 Вам трудно понять это,
 Братцы!
 Я ввысь восхожу
 По холодному телу клинка.
 И времени - нуль
 Для того, чтобы цели бояться.
 июнь 1984 г.

* * *

За дальние горы,
 За чистые броды
 Вернуться б, вернуться -
 Откуда я родом.
 А весь я оттуда,
 И статью, и долей,
 Где хлебушек отчий -
 Как пряник медовый,
 Где думы и речи -
 Ни брода, ни мели,
 Где синие речки
 По детству звенели,
 Где вечно и ново -
 И небо, и пашни,
 Где слава - не слово,
 А память о павших.

СВЕТ ПАМЯТИ

Еще струится свет
 И полосой
 На свет ложится
 Тень скитаний поздних,
 Как медленный и стылый
 Дождь косой
 Над степью жизни.
 Терпко пахнет воздух...
 Свет памяти,
 Свет твоему жилью!
 Воспоминанья в таинство одеты.
 Жизнь позади.
 А я люблю - люблю,
 Не зная, кто ты
 И не помня - где ты...
 1960

ВЕТЕР РОДИНЫ

То ли - вечный лик России,
 То ль - нередица в дожди,
 То ль- в платке
 В горошек синий
 Мама во поле глядит...
 Ревом - время,
 С визгом-гиком!
 По окраинам стальным
 Укрепи меня, владыко,
 Ветер отчей стороны.
 В небе огненная дымка.
 Крик в полночной полынье.
 Укрепи меня, владыко,
 Ветер Родины моей.
 Не зажгли рассвета знамя!
 Я до смерти не продрог!
 Но иду, в венце незнаний
 По туманности дорог.

* * *

Есть тайна на свете.
 На свете есть мудрая воля.
 Не слышишь? Не можешь?
 Предательский разум, молчи!
 Я сердце сжигаю -
 Как выпало руку Сцеволе,
 Чтоб имя твое
 Осветить в необъятной ночи.
 Есть в жизни такое,
 Что часто - мы знаем - не случай.
 Но вслушайся в ветер,
 Вглядишься в штормовые леса!
 Сегодня не знаешь,
 Что в завтрашнем хуже,
 Что лучше.
 То - нас выкликают
 Невидимых звезд голоса.

* * *

Сельсовет наш
 Под выцветшим флагом.
 Пушки. Кони.

Скрипят полоза.
 И как стекла
 Крест-накрест бумагой -
 Закрестили мне вьюги глаза.
 И вошел я, как в долгие сенцы,
 В пятилетки уральских снегов,
 С негасимой тоскою под сердцем,
 С перепутьем чужих голосов.
 Трассой дальней,
 Где узкоколеек
 Над трясинной качается клеть -
 Откачали меня,
 Отжалели,
 Шатуна
 Зыбуны в гололедь...
 Это будет потом.
 Будет позже,
 Когда смерть
 Пролетит у дворов,
 И судьба моя выпустит вожжи -
 Тихо, просто,
 Как снег на Покров.

* * *

Ой за тем ли за бором за каменным,
 За стеной его непробивной
 Вороны - в цветенье - купавины
 Не моей ли склонились виной?
 Не твоей ли надеждой несбыточной
 Поднялась лебеда под крыльцо?
 Ты кольцо обручальное выплачешь.
 Я судьбы не отвергну кольцо.

КРЕСТНАЯ

«Горела свеча.
 Во полночь не пели.
 Священник-беглец.
 Во дворе - два коня.
 В глухой тишине,
 В оскверненной купели
 На крестный на путь
 Окрестили меня.
 Я помню тебя
 Молодой и красивой!
 Такой ты - со слов -
 Приходила в мой сон.

Но знал я тебя
 Болью схожей с Россией:
 Со скорбным, в слезах,
 С искаженным лицом.
 Льняное кнутами иссечено платье.
 Не знай я всего,
 Закричал бы: «Вранье!»
 Направо - распятыя.
 Налево - распятыя.
 И слева направо
 Кружит воронье.
 Ты стелью брела
 От Покровского храма,
 В косом исчезая
 В покровском снегу.
 Кладбищенский сумрак.
 Да черная рама.
 А я до сих пор
 За тобою бегу.

КАЛИНА

Ветер воеет в сенцах,
 В улочках кривых.
 У околиц детства -
 Танковые рвы.
 Выстрелы из ночи...
 Грохнул и утих.
 Мне с «билетом волчьим»
 Некуда идти.
 Скроено и сшито,
 И - из сердца вон.
 Все, что пережито,
 Зарастет травой,
 Жесткою спорынью,
 Луговой кугой...
 По рассветам синим
 Побежит огонь.
 Пепельной гримаской
 Улыбнется явь -
 Беленькие мазанки,
 Родина моя!
 Горькая калина
 На прямых ветрах,
 На снегах да ливнях -
 По судьбе сестра.
 О родимом крае,
 Глядя в желтый яр,

И болишь,
 Родная,
 И шумишь - как я.
 Жить бы нам бок о бок...
 Уж лета не те.
 Мы устали оба
 От земных потерь.
 Где я только не был,
 Сколько не шагал
 Под палящим небом,
 В северных снегах.
 Только ты на свете,
 Не щадя огня,
 Все горишь,
 Все светишь,
 Все зовешь меня.

* * *

Пол, поля – простор осенний рыжий!
 На перекрестье верба – как вопрос.
 Я в этом поле умирал и выжил,
 И навсегда корнями в землю врос.

Люблю я вас, соломенные крыши,
 Май расписной, наливчатый июль...
 Но кроме песен, что я здесь услышал,
 Я ни слезинки лишней не пролью.

Когда-то, знаю, в шумном половодье
 Через меня прольются корни ив.
 Но верю в жизнь, которая проходит,
 Как будут верить правнуки мои.

Поля, поля – распахнутые настезь
 Всему, что будет, есть и что прошло!
 Простите мне случайное ненастье.
 Спасибо вам за хлеб и за тепло.

ПОЛЯ СТРАНЫ (вариант)

Я жить по-человечески хочу
 Лишь потому, что знаю - чем плачу.
 Ляд трав и жатв. Гниль воздуха. Мрак света.
 Ау! - зову в бездонной душной мгле -
 В загоне я. В духовном соуэто
 На тысячестрадаальной на земле.

Ликуй, народ. Гуляй, отчет победный!
Дроби базальт, босяк, руби стопы,
Мы строим мир - где нет тузов и бедных
Десятки лет... Для спящих и слепых.
Гремит динамик. И в луга, и в степи
Бурлит вода. И молча тонет лес.
Грядет владыка мира, серый пепел,
Блестя свинцово в память хлебных мест.
Убийцам - власть? Заступничеству - робость?
Ответа нет. И давит сердце мне:
Продуманно выводят нас на пропасть
И лгут безбожно.
С нами это можно
В трагически доверчивой стране.
Чертополох - ожог тяжелый рыжий.
Колодец мертв. И верба - как вопрос.
Не смог и я. Не выстоял. Не выжил.
Корнями только цел - где глубже врос.
Мне ль предавать вас,
Ласточки и крыши,
Май луговой, наливчатый июль?
Нет... Кроме песен тех, что прежде слышал...
Уж больше ни слезинки не пролью.
В сей свистопляске,
В новом хороводе
Я не певец. Душа - надрубы ив.
Здесь жизнь моя,
Как тяжкий бред, проходит.
В другое верят пусть сыны мои.
Поля, луга - я перед вами настежь!
Пред всем, что отлюбилось и прошло.
Судьба моя - случайное ненастье.
За хлеб спасибо вам и за тепло.
Все-все в груди: бич гона, ветр разора,
Нагайки ливней красных по лицу,
Ярмо и цепи, и мундир позора -
Как подобает русскому певцу.
Рвал. Созидал. И шел с тобою снова,
От крови захлебнувшийся народ.
И слово МИР - магическое слово -
Открылось мне, прочтась наоборот.
И нищенствуя по стерне бетонной,
Где всем плевать - живи иль умирай -
Я навсегда люблю тебя и помню,
Людьми распятой,
Богом данный край.

К СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Истина - не спутница удаче.
 Шли на зов
 Сквозь доблести и страх
 На конях,
 Влетавших в бег горячек,
 Победив
 Или разбившись в прах.
 Пройдено -
 Ни края, ни начала.
 Сколько нас -
 Слезами не зальешь!
 Тихо степь полынная венчала,
 Отдавая почести землей.
 Никогда,
 Живя под этой всеью,
 Где исток меня в степной пыли -
 Я себя оторванным не мыслил
 От того, что есть
 И до былин.
 Птицы ли осенние кричали,
 Стаяли последние снега -
 Я гляжу с любовью и печалью
 В дней моих размывшихся стога.
 В желтых вербах
 И речной излуке -
 Мой неясный
 Сохранится след.
 Я хочу,
 Чтоб в самом дальнем внуче
 Запекалась боль
 К своей земле,
 От далеких звезд и до росинок...
 В этом вечном
 Заповедь его,
 В этом тайна русская
 И сила -
 Здесь душа не знает берегов.

* * *

В душе - осенне, плотно-стыло.
 За окнами и дальше - мреть:
 По фронту,
 Слева, справа, с тыла -
 Учись, душа,
 Чтоб не забыла

Науки вечной -
 Умереть.
 Не уповай ни в чем на милость!
 Пророки брешут на миру.
 Жизнь несуразно прокатилась,
 Осыпав индewь на бору.

* * *

Здесь воистину может случиться -
 Кроме искренне доброго -
 Все.
 И хвостами взлетят
 В небо птицы,
 Сея каменный крик
 В немость сел.
 Повстречаю ли вновь
 Бабье лето
 С его поздним
 И нежным теплом?
 Только мне направления нету:
 Расстыковано в раннем былом.
 Может, грянет недобрый мой вечер -
 Подойдут, как в печальном году...
 Две тяжелых ладони на плечи
 И в станичной пыли поведут.

* * *

Много горького было,
 Да не о чем больше жалеть.
 Не буран золотой -
 Сыпануло года во все стороны.
 Высочайшая плата
 За дружбу, за хлеб и за плеть -
 То пропела, отпела душа
 Белым вороном.
 Вот впервые теперь,
 Никакими не сжата пределами,
 Говорит без тоски
 О своем болевом далеко...
 То ли месяц над лугом
 Кочует, над травами белыми,
 То ль в серебряных травах
 Звонит подо мной белый конь.

* * *

Закрою глаза - не буди.
 Не сплю.
 Я на облаке легком
 Забылся до боли в груди
 О прошлом, далеком.
 Не сплю я,
 Склоняясь ко плечу
 Душой в изувеченном теле,
 Покоем согреться хочу
 От жизненной
 Долгой метели.

МАШИНА ЗАБВЕНЬЯ

Медяков накоплю -
 И машину забвенья куплю.
 Кнопку: «Вжик!» - и в раю!
 Все к чертям, что травило, забуду:
 Про безжизнье при жизни,
 Невольную волю свою,
 Про отраву-надежду,
 Покрытую ржавью, зануду.
 Ни граммульки былого,
 Где стены... в коврах ли, во лжи?
 Детвора беспризорная.
 Годы глухого запоя.
 И друзьям похваляюсь,
 Как я счастлив - что прошлым не жил!
 И с улыбкой дебила
 Костер разложу под собою.
 Отогрет сам собою,
 Отмечен собой и воспет,
 Высочайше гордясь,
 Что меж тем и меж этим нет сходства,
 Прокричу по-кликушечьи:
 «Слава! Да здравствует свет,
 Обжигающий, новый,
 Где нет ни маразма, ни скотства».

* * *

Я теперь уж
 Узнаю едва ли,
 Что случилось
 В том страшном бою,
 Будто это меня убивали

За преступную
 Жалость мою.
 Те глаза! Что в них?
 Скорбь пред родными?
 Молодые совсем,
 Три бойца.
 Я сегодня бы стал перед ними,
 Защитив их по праву отца.
 Ненавижу суды и расстрелы,
 Ненавижу -
 В угон и в упор!
 С той поры
 Что-то в сердце сгорело,
 Что-то выжглось навеки с тех пор.
 По весне у закатного брода
 Так залиvisto пел соловей...
 А у яблонь,
 В логу,
 Пред народом
 Расстреляли
 Моих сыновей.

ПЕЧОРСКАЯ ВОДА

Любовь моя,
 Навеки неоплатная!
 Ресницы ледяные расцепи,
 Солдатская,
 Потсдамская,
 Бушлатная,
 Прошедшая
 В колонне и в цепи.
 Потянет ли по ветру вьюга острая -
 Судьба моя - о юности молчи!
 Мне видится:
 Года над полуостровом
 Со взлета полегли,
 Как косачи.
 Истоптано-исхожено пешочком!
 Не становись,
 Ой, горе - не беда -
 Вдоль бережочков тех...
 Вдоль бережочков
 Печорская
 Колеблется вода.

* * *

Мой разум скуден.
 Взгляд мой слеп.
 Все будет так, а не иначе:
 Земля - мой дом,
 Мой храм,
 Мой склеп,
 А на щеке - слеза удачи.
 Пока в один нас красят цвет,
 Младенцам, травам, птицам, женам
 Я и священник, и поэт,
 И брат - судьбою побежденным.
 Все, в чьих сердцах
 Смятенья шум,
 Что нет любви,
 Что ласка - мимо,
 Пока живу,
 Пока дышу,
 Вы мной любимы.
 Мной хранимы.
 80-е годы.

КОБЫЛИЦА

Какой русак
 Лихой езды боится?
 Не спрашивай,
 Все будут только -
 «За!»
 И вот летит
 Степная кобылица
 И мнет ковыль!
 И бьют копыта в лица...
 Обрыв по курсу.
 Вслед земля дымится.
 У кобылицы выбиты глаза.
 1985

(Вариант - старый)

«Куда нам дальше,
 Штатные поэты,
 Послушные правительству волхвы?» -
 Из зала лица,
 Ждущие ответа...
 Какие жизни отданы за это!
 Каких еще закляний ждете вы?

Вчера - застой.
 Сегодня - перестройка.
 Раз задан старт,
 То будет и финал.
 Степную кобылицей звали,
 Тройкой
 Россию,
 Что пошла под трибунал.
 Бег сквозь безумье.
 Кто его страшится?
 Из десяти спроси -
 Все десять: «За!»
 Летит, летит «степная кобылица»...
 Копыта мнут ковыль,
 Увечат лица.
 У кобылицы
 Выбиты глаза.
 80-е годы.

* * *

Общество без времени.
 И сплошь
 Полуассекреченная ложь.
 Глянь в глаза любому:
 Кто он, где?
 Словно вырос на сухой воде.
 Внешне - человеческий каркас,
 А внутри каркаса
 Тихий час:
 Массовое,
 Классовое «за»,
 Без господней искорки глаза.
 По нулям -
 Любовь к чужой судьбе:
 Это значит,
 Пустота в себе.
 Это значит - баста,
 Крах рулям.
 На часах державы - по нулям.
 80-е.

* * *

Над смогом жизни
 Вьются сизари.
 Актерски-нежно,
 Пресно и беззвездно.

На языке живущих говори,
 На нем одном, душа,
 Еще не поздно.
 У нас у всех беда -
 Правдобоязнь:
 «Ну вот, сейчас!..»
 Глядь - время ускакало.
 Полужелая
 И полутаясь,
 Как близнецы -
 Улыбки и оскалы.
 Правдобоязнь - всеобщая беда.
 К живым, душа,
 Через хулу и козни,
 Для ранних слез,
 Для исповеди поздней,
 Молчат, зовут -
 Иди,
 Спешу туда.
 80-е.

* * *

Ах, жизнь моя, жизнь моя,
 Что ж ты такая удушная?
 Весельем сквозь слезы
 Себя поднимаю на смех.
 Иду по проспекту,
 Под ветрами лозунги слушаю:
 «Развитие личности -
 Значит развитее всех».
 Куда от кисельного нынче -
 Куда мне деваться?
 В близком веселье -
 Контрастнее горечь тоски.
 Глаза выбивают
 Ржавелые листья оваций.
 На первые снега
 Отчаяньем студят виски.
 Где датчик духовный,
 Не смертную ль дозу схватил я,
 Смирненно барахтаясь
 В серой бездушной грязи?
 Я внутренне выгорел,
 Выжгла меня деспотия -
 Духовный Чернобыль
 Распадом меня поразил.
 Не веря, верить,

Грешить без желанья, молиться...
 И тщетно ладони
 К земным я тяну матерям.
 Стандартные стены.
 Стандартная правда на лицах.
 В сегодняшней смури
 Я завтрашний день потерял.
 (?)

* * *

По полю-полю-полю,
 Со всеми на виду
 Меж подвигом и болью
 В колонне я иду.
 Ползут тысячелетья,
 Стыкуются века.
 Отцов сменяют дети
 На пашнях и в полках.
 То солнышко, то тучи...
 А жизнь - ах, хороша!
 Еще на каплю лучше -
 Сломается душа.
 (?)

ВЕТРУ РАВНИННОМУ ВОЖЖИ

Ах, как пел соловей нынче утром!
 Залетный дружище,
 Я здесь тоже залетный,
 И рано, с тобой поднялся.
 Спит глухой околоток,
 Пока ты звенишь и кружишься.
 Тут давным уж давно
 Под вороны встают голоса.
 Голубарь мой,
 Я тоже
 На зорьке на ранней
 Под дождик
 В сонный, в Миргород плотный,
 В железный
 Концерты даю.
 И запреты, по правде, мне -
 Ветру равнинному вожжи:
 Север окна зашторит -
 Раскатимся трелью на юг.
 Если я замолчу -
 Ты не думай, что все перемерло.

Это сердце мое
 Отлетает подранком в апрель:
 Соловьиною песню любя,
 Перешлибли мне горло,
 Чтоб храпеть не мешала
 Моя напряженная трель.

* * *

Непризрачно. Прозрачно.
 Свет спасенья -
 Излука речки, тучек невода.
 Так много лет в былом,
 В дали осенней,
 Утратных лет,
 Прожитых «не туда».
 Ладоней женских
 Ласковое чудо,
 Но где они?
 Желанная теплынь...
 Полынь-трава,
 Любовь моя - откуда?
 Встреч и разлук
 Печальная полынь.

 Прочна ли цепь,
 Когда не прочны звенья?
 Молчи, душа,
 И помни - не кляни:
 Мы ничего в той жизни не изменим,
 Самим себе
 Бессчетно изменив.

РОК

Гордыню прочь,
 Рабыни и рабы:
 Над нами Рок,
 Над нами длань Судьбы.
 Очерчен круг.
 И смута не нужна:
 Предаст ли друг,
 Покинет ли жена,
 Ударят в спину,
 Обесчестят дочь,
 Убьют ли в спину -
 Прочь, сомненья, прочь!
 Политик-блудодей,

С сумой страна,
 Во храме службу правит Сатана,
 Опричников орда
 И кровь-вода -
 Во благо государства -
 Не беда!
 Поверьте в Рок.
 Примите Катов Кнут.
 То Жизнь со Смертью
 Диалог ведут.

РАСПЯЛИ ВЕРОЙ СЛЕПОЙ

Не пугайтесь меня.
 Под одеждой державною серой
 Сгусток общих проблем -
 Станет, нет ли нам в жизни теплой?
 Легковерный народ,
 Мы распяли слепой себя верой,
 И пустили погибель
 В пространство родимых полей.
 Нишета и резня.
 Не вмещает душа больше боли.
 И рука моя тянется больше
 К свече - не к мечу!
 Я свободным рожден.
 И хочу от постыдной неволи,
 От идейной остуды
 Согреть свою землю хочу.
 Степовую полынь,
 Горечь чувствую на расстоянии:
 Под родные хоругви
 Пора возвращаться домой.
 В пору тяжких годин
 Я дорогу найду, россияне,
 И к великому Сходу
 В Россию приду по прямой.
 Чует сердце набат -
 Чью-то крепость крушат катапульты.
 Что ж и мы...
 Ни своих не жалея,
 Ни царских кровей,
 Пролетарии масс,
 Окрестясь в пролетариев культа,
 Тоже жгли алтари
 Православных
 Российских церквей.

ЗА ХЛЕБ И ЗА ПЛАТЬЕ

За хлеб и за платье,
 За время постоя
 Нам, может, заплатят
 Лишь то, сколько стоим.
 А стоим мы мало,
 До горести мало...
 Бездушья обвалом
 В нас стержни сломало.
 В краю полунищем,
 В стране изобилий
 Мы в поисках пищи
 О жизни забыли.
 Закон государства -
 Верховный родитель.
 Девиз его:
 «Опыт громадный блюдите!
 И принципы тоже!
 И святость идеи!
 Идеи, идеи, идеи, идеи!» -
 Вешают нам,
 Вторят его лицедеи.
 Ушли наши деды,
 И папы, и мамы,
 И мы откочуем,
 И дети
 В туманы.

* * *

Свет луны на синем фоне.
 Чешуей блестит вода.
 Обживал тут дед Афоня
 Соловецкие года.
 Так и тянет родовые
 Узы - связки гольтыба.
 Родовые - кладовые.
 Погребенья - погреба.
 Пересылочки, этапы...
 Денег в банке - два шиша!
 Чешет пузо задней лапой
 Удивленная душа.

ПЕЩЕРНО

Там и сям - индустрийные шутки.
 Ручья - в козлы.

Ни бредней, ни верш.
 Ни лягушки в речушке,
 Ни утки.
 Кверху пузом - астафьевский берш.
 А ведь он -
 Не «занюханый Федя»!
 Спать хочу,
 И уснуть не усну -
 Как охотник с ножом на медведя,
 Берш один выходил на блесну.
 Что там сверху не видя,
 Что снизу
 Из-под красных опущенных век...
 Вдохновенно
 Стремясь к коммунизму,
 Так пещерно
 Творит человек.

НАД БЕЗДНОЙ

С нами горе случилось.
 Родные мои,
 Не вчера ли
 Променяли святыню страны
 На стальной багинет?
 Мы своими руками
 Россию вчера расстреляли,
 Лишь теперь осознав:
 Без былого грядущего нет.
 С нами горе случилось.
 И нет ему края и брода.
 Родословная - прах,
 Символ праха, незримая нить.
 Перекупщикам-скупщикам
 Отдали душу народа,
 И пустились цинично
 Друг дружку судить и клеймить.
 Так безмилостно! Так!...
 Не прощаюсь ли с вами я, други?
 Ну не ровня, не друг -
 Человек обращается к вам...
 Тихим ветром распада
 Живьем нас метет по округе:
 Тех - по стылым баракам,
 Других - по престижным домам.
 Мы загнали себя
 Лозунгистам-кликушам в угоду.
 О своей ли судьбе

Слезы крутополенные лью?
 В ледяном желобке -
 В полосе високосного года -
 Эскалатор тоски,
 Сверху вниз -
 Не покинь колею.
 С нами горе случилось!
 Как благо приемля лишенья,
 Сонно ждем год за годом -
 Ударит однажды наш час.
 С государственной правдой
 Живем мы,
 Как с гирей на шее,
 Улыбаясь, ликуем,
 Над бездной всеобщей топчась.
 И глядим в чей-то рот:
 Что-то нам напроорочит Мессия?
 Что ни цель - то макет,
 Что ни залп -
 Недолет, перелет...
 Так боюсь, так боюсь:
 Проклянет, проклянет нас Россия
 За возню,
 За грызню,
 За беспамятство нас проклянет.

МОЯ ВИНА

Во всем повинен:
 Часть моей вины,
 Что жены и мужья разведены,
 Что дети не запомнят рук и лиц
 Отцов и матерей-самоубийц,
 В том, что влачу, юродствуя,
 Как гордость -
 Бессилие, неправие, двугорбость.
 И нет давно в груди моей весны.
 Свинцовость слов.
 Тяжелых глаз бойницы.
 Видны, слышны
 В пылу соцпередряг.
 Увечат новорожденных больницы.
 От нищенства
 Врачуют в лагерях.
 Нет жалости во мне
 К себе-поэту.
 И смертному себе прощенья нет:
 Слепцы, слепцы

Ведут страну по свету,
 А я лишь плачу
 Горестно вослед.
 Разгромно в мире мне.
 Душе пустынно.
 За всех калек
 Клеймом несущину,
 Что мать на смерть благославляет сына!
 А ей бы кля-ясть,
 Как Матери... Войну!
 Беспутье - юным.
 Старости - сума
 За давнешнее горе от ума,
 За нынешнюю радость от безумья.

ИСТОРИЯ

Зачем вам это надо?
 И в чем моя вина?
 Прислужникам из ада
 Вручают ордена.
 Юродствуют кликуши:
 «Меж нас неправых нет!
 Растопчем твою душу -
 И станем наравне.
 Читай вот здесь, в Уставе,
 Он наш - а значит, твой:
 Попав в собачью стаю,
 По-волчьи, брат, не вой!»
 Угрозы, обаянье...
 Глядите - там, в глуби,
 В степи под Обоянью
 Я в детстве был убит.
 А этот, что сегодня,
 Не годен к дележу.
 Из вашей преисподней
 Я к свету восхожу.
 Трещат в огне поленья.
 День выжжен. Свет пожух.
 И я из углубленья
 На площадь выхожу.
 Ни Моцарта, ни Баха.
 Не реквием, не гимн.
 Горит на мне рубаха.
 Плотней к костру,
 Враги!

И главное - полная атрофия личностной воли, а именно она формирует поступки наши, мысли и действия.

Младшие... большей частью хлебают дерьмо, впрок запасенное старшими. И вот пока дети этого не усекают, все идет - норма дело. Но стоит сыну или дочери застеняться того, что делают родители - крышка. Начинается жесть позиции: ненавижу ваше, но... не знаю, как делать мне. Нам всем вечно будет не доставать чего-то: иногда большого, иногда черт знает чего, но вечно будет то, что лишает возможности почувствовать себя удовлетворенным.

В этом - правда, вся правда до последнего дыхания человеческого, личностного. Но?.. Будучи педагогом или юристом, или дьяволом по образованию, это еще никоим образом не значит быть человеком по призванию. О чем я говорю? Если ты пекарь, не пытайся выступать в тяжелой весовой боксерской категории. Молодежи это особенно присуще: хотеть быть красивым, любимым, быть с блеском устроенным, быть, быть... Быть именно сейчас, пока не превратился в папу-маму. О чем это говорит? О полном отсутствии мудрости душевной. Вина наша: государственных самодуров, сереньких куропаточных учителей, челобитно-придаточной комсомолии, уцененно живущих родителей.

ПОД СЕТЬЮ

Вокруг еще поле неволи.
 Стынь мыслей. Свобода казарм.
 Ни радости в сердце, ни боли -
 Как будто,
 Прощаясь с недолей,
 С собою прощаюсь я сам.
 Жалеть ли
 Слепца и невежду?
 Себя -
 За вчерашний дурман?
 Надежду сменяя надеждой,
 Меняю обман на обман.
 А вдруг не один я успешно
 Меняю чуму на чуму?
 О как тогда жаль мне
 Нас, грешных,
 Грядущих, сегодняшних, прежних...
 Не учит нас жизнь ничему.
 Живут же другие на свете
 Без наших затей-лабуды!
 Не сейте плевелы, не сейте!
 И жертва, и хищник -
 Под сетью.
 Мы общей не чуем беды.

* * *

Вот и все.
 Щегольнули обновкою.
 Что там дальше -
 Огонь или мгла?
 Защити меня,
 Нежность бубновая,
 Коль святыня спасти не смогла.
 Развенчай с разоренными селами...
 Нету дома -
 Зачем же шесток?
 Может,
 С песнями вновь невеселыми
 Я пройду на туманный восток,
 В старом сердце
 Неся горечь истины:
 Каждый сам в себе -
 Воля и клеп.
 И мелькнет
 С забайкальскими листьями
 Барельеф на гранитной стене.
 14 ноября 1987 г.

* * *

К давней гавани,
 К тихому устью -
 Огонек на корме, как звезда -
 Пароходы враскачку на Устюг,
 Магистрально
 Гудят поезда...
 14 ноября 1987 г.

* * *

Вон в той околице - лицо мое:
 То в вешних ливнях, то в войне.
 Жаль, сердцу - птице окольцованной -
 Возврата к пройденному нет.
 Где был - там пел:
 За Камой, Обью ли,
 Мне хватит нежности и сил.
 Я столько пар железной обуви
 В пути заветном износил.
 Услышит память песню мамину-
 Ударится душа в бега:
 В ту сторону, в ту даль туманную,
 К тем отдаленным берегам.
 Янв. 85 г.

С о д е р ж а н и е

В ледяном желобке високосного года. Татьяна Сопина.	3
Вертикаль	4
«За дальние горы...»	5
Свет памяти	5
«Боль и правда - заплате к заплате...»	6
Ветер Родины	6
«Есть тайна на свете...»	6
«Сельсовет наш под выцветшим флагом...»	7
«Ой за тем ли за бором за каменным...»	7
Крестная	7
Калина	8
«Поля, поля – простор осенний рыжий!..»	9
Поля страны	9
К своей земле	11
«В душе - осенне, плотно-стыло...»	11
«Здесь воистину может случиться...»	12
«Много горького было...»	12
«Закрою глаза - не буди...»	13
Машина забвенья	13
«Я теперь уж узнаю едва ли...»	13
Печорская вода	14
«Мой разум скуден. Взгляд мой слеп...»	15
Кобылица	15
«Общество без времени...»	16
«Над смогом жизни...»	16
«Ах, жизнь моя, жизнь моя...»	17
«По полю-полю-полю...»	18
Ветру равнинному вожжи	18
«Непризрачно. Прозрачно...»	19
Рок	19
Распяли верой святой	20
За хлеб и за платье	21
«Свет луны на синем фоне...»	21
Пещерно	21
Над бездной	22
Моя вина	23
История	24
«И главное...» (Из записных книжек)	25
Под сетью	25
«Вот и все. Щегольнули обновкою...»	26
«К дальней гавани, к тихому устью...»	26
«Вон в той околице - лицо мое...»	26